

Леонид Андреев

Праздник

Леонид Андреев

Праздник

«Public Domain»

1900

Андреев Л. Н.

Праздник / Л. Н. Андреев — «Public Domain», 1900

«С половины Великого поста Качерин почувствовал, что в мир надвигается что-то крупное, светлое и немного страшное в своей торжественности. И хотя оно называлось старым словом «праздник» и для всех других было просто и понятно, Качерину оно казалось новым и загадочным, – таким новым, как сознание своего существования. Последний год Качерину казалось, что он только что появился на свет, и все удивляло и интересовало его, а то, что было раньше и называлось детством, представлялось смешным, веселым и к нему не относящимся...»

Содержание

I	5
II	6
Конец ознакомительного фрагмента.	7

Леонид Андреев

Праздник

I

С половины Великого поста Качерин почувствовал, что в мир надвигается что-то крупное, светлое и немного страшное в своей торжественности. И хотя оно называлось старым словом «праздник» и для всех других было просто и понятно, Качерину оно казалось новым и загадочным, – таким новым, как сознание своего существования. Последний год Качерину казалось, что он только что появился на свет, и все удивляло и интересовало его, а то, что было раньше и называлось детством, представлялось смешным, веселым и к нему не относящимся. И он помнил момент, когда началась его жизнь. Он сидел в своем классе на уроке и скучал, когда внезапно с удивительной ясностью ему представилось, что вот этот, который сидит на третьей парте, подпер голову рукой и скучает, есть он, Николай Николаевич Качерин, а вот эти – тот, что бормочет с кафедры, и другие, рассевшиеся по партам, – совсем иные люди и иной мир. Представление это было ярко, сильно и мгновенно, и потом Качерин уже не мог вызвать его, хотя часто делал к тому попытки: садился в ту же позу и подпирал голову рукой. Но зато все стало новым и полным загадочности: товарищи, отец и мать, книги и он сам.

Качерин был учеником седьмого класса гимназии, и одни из знакомых, старые, называли его просто «Коля», а все новые звали Николаем Николаевичем. Он был невысокого роста, тоненький и хрупкий, с очень нежным цветом лица и вежливой тихой речью. Усики у него только что стали пробиваться и темной пушистой дорожкой проходили над свежими и красными губами. Родители Качерина были очень богатые люди и имели на одной из главных улиц города свой дом, при котором находился большой, в две десятины сад, громадные сараи и конюшни и даже колодец, из которого вся почти улица брала для себя воду.

У Качерина было много приятелей и один друг, Меркулов, которого он любил горячо и нежно и каждую неделю отсылал ему по большому, мелко исписанному письму. Меркулов был старше его двумя годами и с осени находился в юнкерском училище, откуда приезжал только на большие праздники. Имелись у Качерина и враги, по крайней мере, один враг – реалист, с которым он однажды подрался еще маленький, и с тех пор косился при встрече и одно время даже носил в кармане кастет. Была у него и возлюбленная – молодая, красивая и веселая горничная, однажды овладевшая им. В гимназии, дома и у знакомых все считали его очень счастливым юношей, но сам он находил себя глубоко несчастным. И причиной несчастья было то, что он сознавал себя порочным и лживым, а жизнь свою никому и ни на что не нужной. И много неразрешимых вопросов приходило ему в голову и выталкивало оттуда латынь и математику: нужно ли ему жить и зачем? Как сделать, чтобы быть довольным собой и чтобы все любили его? За последнюю учебную четверть он получил две двойки, и это грозило ему оставлением в классе на другой год. И то, что он так плохо учился и скрывал это от родителей, которые с своей стороны добродушно хвалили его, делало его окончательно негодным в его глазах. А если бы еще все, хвалившие его, знали, где он бывает с товарищами и что он делает там!

И надвигавшееся на мир что-то крупное, светлое и немного страшное, называвшееся старым именем «праздник», как будто несло с собой и ответ. И Качерин думал, что не может быть печальным этот ответ, и что обязательно явится некто и скажет, как нужно жить и для чего нужно жить. Будет ли это Меркулов, который приедет к Святой, или кто-нибудь другой, а может быть, даже и не кто-нибудь, а что-нибудь – Качерин не знал, но он ждал.

И праздник наступил.

II

Праздничное и новое началось с первых дней Страстной недели, но Качерин не сразу почувствовал его. Он ходил в гимназическую церковь, видел там товарищей и учителей, и все это было будничное и старое. Надзиратель, носивший странное название «Глиста», поймал его, когда он курил, и хотел жаловаться инспектору. Все было скучно и серо, и все лица казались тусклыми, и на них не было видно того, что замечалось раньше, – того же ожидания какой-то необычайной радости, как у него. Быть может, на всех влияла дурная погода: на Вербное воскресенье шел снег, а потом три дня стояли холод и слякоть, и нельзя было открыть ни одного окна. Но все же в воздухе носилось что-то раздражающее. На улицах экипажей и людей стало больше, чем всегда, и двигались они быстрее и говорили громче, и все обязательно толковали не о текущем дне, а о том, что они будут делать тогда, на праздниках. Настоящее точно провалилось куда-то, и люди думали об одном будущем.

И когда в пятницу появилось солнце и сразу нагрело и подсушило землю, надвигающийся праздник овладел всем живущим, и Качерин почувствовал его во всем. Но это все было только ожиданием, и раздражало и мучило. Качерин пошел в конюшню, – там кучер и дворник мыли экипажи и чистили лошадей, и были злы и неразговорчивы. Он несколько раз заглядывал на кухню – там происходило что-то необыкновенное. И всегда в будни Качерины ели очень много и хорошо, но теперь все готовили и готовили, и ни до чего из приготавливаемого нельзя было касаться, так как оно предназначалось для праздника. И мать и отец уезжали на старенькой пролетке и привозили все новые кульки, и опять уезжали, и по всему дому разносили раздражающий, необычайный запах ванили, свежего теста и яиц. Всюду перед иконами горели лампы, и нянька ругалась с маленькими детьми и не пускала их в залу и гостиную, где полы были начищены и уже все убрано. Завтрака совсем не было, а обед подали такой плохой, как будто есть теперь совсем было не нужно. Горничная Даша столкнулась с Качериным в буфетной, когда там никого не было, и хотя поцеловала его, но быстро и небрежно. Волосы у нее были не причесаны, и от голых рук шел тот же раздражающий запах ванили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.